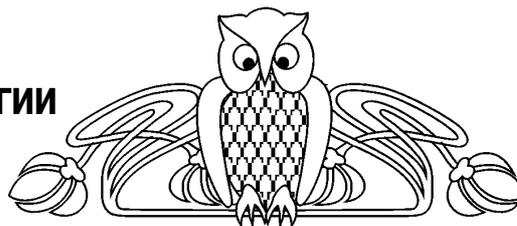

УДК 322.261.7

ИСЛАМ И ПОЛИТИКА В ДАГЕСТАНЕ: ПОПЫТКА РЕАЛИЗАЦИИ «МЯГКОЙ» СТРАТЕГИИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ (2006–2012 гг.)

Д. Г. Мирзаханов

Мирзаханов Джабраил Гасанович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, mirzakhanov1962@mail.ru

В статье предпринята попытка объяснить, как была реализована «мягкая» стратегия борьбы с терроризмом в Дагестане в 2006–2012 гг. Автор доказывает, что борьба с терроризмом не является биполярным конфликтом между государством и салафитами – мусульманской оппозицией. Борьба с терроризмом превратилась в элемент внутренней политики в республике. В этой ситуации различные политические акторы Дагестана стали использовать антитеррористический дискурс как часть своих региональных политических программ и действий.

Ключевые слова: ислам и политика в Дагестане, борьба с терроризмом, «лесная» тема, «мягкая» стратегия.

Islam and Politics in Dagestan: an Attempts of Realization of the «Soft» Strategy of Struggle on Terrorism (2006–2012)

D. G. Mirzakhanov

Dzhabrail G. Mirzakhanov, ORCID 0000-0002-2230-0499, Daghestan State Technical University, 70, I. ShamyI Ave., Makhachkala, 367015, The Republic of Daghestan, Russia, mirzakhanov1962@mail.ru

This paper tries to explain how was realize “the soft” strategy of struggle on terrorism in Dagestan at 2006–2012. The author argues that the battle on terrorism is not the bipolar conflict between the officials with enforcing agencies and the opposition Muslims – Salafis. In this situation Dagestan political actors became the master of the “War on Terror” discourse and this narrative has imported into regional politics.

Key words: Islam and politics in Dagestan, struggle on terrorism, “the forest” issue, “the soft” strategy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-453-458

2006 год мог стать переломным в политической эволюции постсоветского Дагестана. Во-первых, республика перешла к президентской системе правления, уйдя от застарелого принципа коллективного лидерства – Госсовета во главе с председателем. Федеральный центр предложил уйти в отставку Магомедали Магомедову, который бесценно руководил Госсоветом в течение 1994–2006 гг. В качестве первого президента Дагестана Кремль рекомендовал Муху Алиева, кандидатуру которого послушно одобрило Народное собрание республики. Тогда же Народное собрание Дагестана избрало своим спикером Магомедсалама Магомедова – сына Магомедали Магомедова.

Во-вторых, с 2006 г. в дагестанский политический лексикон прочно вошла и утвердилась «лесная» тема, а в местной политике закрепился «антитеррористический» дискурс. Это было связано с эскалацией насилия в республике, которая определила характер как регионального политического процесса, так и государственно-исламских отношений в Дагестане. Термин «лес» стал общим обозначением лесного подполья, где базировались отряды незаконных вооружённых формирований. Соответственно, за их представителями закрепилось клеймо «лесные». Дело в том, что после событий августа–сентября 1999 г. (когда были разгромлены вторгшиеся из Чечни отряды Басаева и Хаттаба, а вместе с ними печально известный карамахинский салафитский анклав в Дагестане) в республике начал раскручиваться маховик насилия. По свежим следам тех событий Народное собрание РД в 1999 г. приняло закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан».

В правовом отношении этот закон слаб и содержит много пробелов (например, в нём нет чёткого определения как ваххабизма, так и экстремизма). Тем не менее, он открыл простор для репрессий и произвола со стороны так называемых «силовиков». Ситуация усугубилась после 2002 г., когда из мест заключения стали освобождаться люди, осужденные за участие в событиях 1999 г. Многими из них двигала жажда мести в отношении силовиков, которые подозревали и пытали их. В ответ коллеги убитых сотрудников силовых структур обрушивали новые репрессии с использованием незаконных методов в отношении как подозреваемых, так и членов незаконных вооружённых формирований. Число убитых с обеих сторон в результате обмена ударами росло с каждым годом. Как результат, в республике образовалось стабильное вооружённое подполье («лес»), имеющее частичную поддержку среди недовольного текущим состоянием дел населения.

Тяжёлая криминальная ситуация, сложившаяся в Дагестане (которая выразилась в резком увеличении террористических актов)¹ привела к тому, что 15 февраля 2006 г. президент Путин подписал указ «О мерах по противодействию терроризму»². Одновременно данным указом был учреждён НАК (Национальный антитеррористический комитет), куда включались все силовые структуры под руководством директора ФСБ.

С появлением «лесной» темы борьба с терроризмом превратилась в элемент внутренней политики в республике.

Особо нужно остановиться на стилистике политического лидерства Муху Алиева. Надо сказать, что он до сих пор остаётся исключительной фигурой среди дагестанской элиты власти. В постсоветский период Алиев долгое время пребывал на вторых ролях в республиканской властной иерархии (1991–1995 гг. – зам. председателя, а затем председатель Верховного Совета Дагестана; в 1995–2006 гг. – председатель Народного собрания республики), в которой безоговорочно доминировал председатель Госсовета Дагестана Магомедов³.

Муху Алиева отличало от остальных постсоветских дагестанских лидеров то, что он с неприязнью относился к клиентелистскому устройству республиканской политики и не был вовлечён в местные бизнес-проекты. Необычными были алиевские подходы в отношении радикального ислама и антитеррористической политики. В первую очередь, он дал резкий отпор упрощённым оценкам ваххабитов как агентов иностранных государств, подпавших под влияние чуждых исламских доктрин и потому несущих опасность для России.

Эти трактовки были доминирующим объяснением среди религиозных и светских лидеров Дагестана до 2004 г.⁴ Алиев признавал, что ваххабизм был не только социальной девиацией, но и религиозным феноменом, который подпитывала несовершенная и несправедливая социально-экономическая реальность России, прежде всего коррупция. Главным принципом борьбы против радикального ислама стал алиевский подход, который заключался в том, что надо «не с террористами бороться, а бороться с терроризмом, изучить инфраструктуру воспроизводства терроризма, идеологию терроризма»⁵. На протяжении 2006–2009 гг. Алиев дважды организовывал общероссийские научные конференции на темы ислама и терроризма, а также поддерживал исламские научные исследования в Дагестане. Однако такое увлечение академическими рассуждениями и теологическими аспектами проблемы затрудняло проведение разграничительной линии между умеренными и вооружёнными салафитами («лесными»), что не могло устраивать федеральный центр. Это было признанием того, что алиевские исламо-политические подходы потерпели неудачу, и это предопределило уход Муху Алиева с дагестанской политической сцены.

На этом фоне 2010 год должен был положить начало новой политической линии в деле нормализации обстановки в Дагестане по трём причинам

Во-первых, федеральный центр усилил кавказскую политику. Новый президент страны Д. Медведев 14 января 2010 г. выпустил указ, который разделил Южный федеральный округ

с центром в Ростове-на-Дону, на две части. Одним из них стал Северокавказский со столицей в г. Пятигорске, куда вошли республики Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Дагестан, а также Ставропольский край. Непривычно смотрелось назначение полпредом округа Александра Хлопонина⁶ – выходца из большого бизнеса и госслужбы, поскольку как до него, так и после него эту должность занимали выходцы из армии и силовых структур. М.-Р. Ибрагимов и К. Мацузато сравнивают назначение Хлопонина полпредом Северокавказского федерального округа с историческим назначением наместником Кавказа князя М. С. Воронцова в 1844 г. Считается, что в роли наместника Кавказа Воронцов, сочетавший силовые меры и экономическую политику, улучшил ситуацию в Дагестане, заложив основы окончания Кавказской войны в XIX в. Медведев, возможно, ожидал «воронцовского эффекта» от Хлопонина. Была разработана «Стратегия социально-экономического развития Северокавказского федерального округа до 2025 года»⁷.

Во-вторых, 10 февраля республику в должности нового президента возглавил Магомедсалам Магомедов, чью кандидатуру утвердило Народное собрание Дагестана по предложению президента Д. Медведева.

Магомедсалам Магомедов решительно изменил исламскую политику. В отличие от своего предшественника Алиева, Магомедов продемонстрировал, что он является практикующим мусульманином. Магомедов никогда не работал в советских и коммунистических структурах. Будучи доктором экономики, он сочетал преподавание в университете с бизнесом, был вовлечён в местный клановый капитализм. Что касается политического мировоззрения, то его отличало чисто рациональное и прагматичное видение мира. В этом плане Магомедов уступал своему предшественнику, который понимал значимость идеологической работы и гуманитарного фактора в управлении республикой. В отличие от Алиева он был безразличен к идеологическим вопросам и нюансам исламских знаний (таким, как отношения между суфизмом и салафизмом, различия между течениями салафизма и т. д.), а рассуждал прагматично: если есть проблемы с радикальными салафитами («лесными»), то почему бы не сосредоточиться на работе с ними?

В-третьих, федеральный центр и региональные власти предприняли попытку реализации «мягкой» линии борьбы с терроризмом в Дагестане. Новый президент Дагестана при тесном сотрудничестве с НАК предложил новую политику в плане борьбы с терроризмом. Она была направлена на сдерживание и изоляцию радикального крыла регионального салафизма с привлечением широкого круга общественно-политических сил. Если говорить более конкретно, то речь шла о налаживании «широкого гражданского диалога» в республике между основными

политическими акторами, формирующими региональный политический процесс: светскими властями Дагестана и радикальными салафитами («лесными»), умеренными салафитами и суфийскими («традиционными») мусульманами.

Администрация нового президента Магомедова и НАК подготовили новую антитеррористическую политику в деталях. Основными компонентами данной политики стали следующие шаги: 1) разрешение умеренным салафитам создавать свои организации для легализации их присутствия на исламо-политическом поле Дагестана; 2) созыв Третьего съезда народов Дагестана для консолидации общества и объявления новой политики; 3) создание президентской комиссии по содействию в адаптации к мирной жизни тех, кто прекратил террористическую и экстремистскую деятельность (далее – комиссия по адаптации).

Рассмотрим каждую из этих мер по отдельности. Одним из первых важных шагов НАК стало то, что умеренные салафиты получили возможность создавать легальные организации. Вдохновлённые таким поворотом событий, лидеры умеренных салафитов основали новые общественно-политические институты: Ассоциацию учёных Ахлю-Сунна и «Территорию мира и согласия». Их встречные предложения были объединены в движение «Гражданский диалог» в 2011 г.⁸. Что касается Третьего съезда народов Дагестана, то от него ждали объединения всех политических сил республики и изоляции радикальных салафитов («лесных»). На комиссию по адаптации рассчитывали в плане содействия в возвращении к мирной жизни тех лиц, кто решил прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики. В качестве инструмента возвращения решено было использовать такое средство, как амнистия.

Президент Магомедов объявил о созыве Третьего съезда народов Дагестана своим указом от 29 октября 2010 г. Само событие можно считать чрезвычайным, а по задумке его инициаторов – переломным⁹.

Справка: Первый съезд народов Дагестана, организованный большевиками, проходил 13 ноября 1920 г. после освобождения юга России от армии Деникина. Вопрос стоял о добровольном вступлении в состав Советской России, на который Первый съезд дал положительный ответ (Съезд народов Дагестана. 13 ноября 1920 г. Декларация о советской автономии Дагестана (www.hrono.ru/libris/stalin/4-71.html)). Вторым съездом народов Дагестана проходил в не менее драматической ситуации – после распада СССР и в атмосфере «парада суверенитетов», которым были охвачены многие российские регионы. Республика, столкнувшись с активизацией этнических движений и с наличием трансграничных народностей, а также с сепаратистской Чечней поблизости, должна была дать ответ о своём нахождении в составе России. В резуль-

тате съезд, организованный и проведённый под руководством председателя Верховного Совета Республики Дагестан Магомедов Магомедова 13 ноября 1992 г., заявил о недопустимости выхода Дагестана из состава России.

Третий съезд поставил задачу достичь «консолидации общества в борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма, укрепления единства народов Дагестана»¹⁰. Что касается организационного аспекта, то руководству РД удалось не только провести подготовительный этап съезда на демократической основе, но и включить умеренных салафитов в число докладчиков съезда. Так, в программу съезда были включены А. Кебедов и его сторонники.

Однако, несмотря на громкие декларации о том, что в Дагестане фактически «сменяется эпоха» и республика готова «к переходу на качественно новый этап модернизации вместе со всей Россией»¹¹, съезд не стал событием, стабилизирующим дагестанское общество путём искоренения причин, питающих терроризм. Объяснить это можно, прежде всего, тем, что вышеуказанные мероприятия осуществлялись не столько как самодостаточные и последовательные направления деятельности, сколько как пиар-акции, призванные сформировать позитивный имидж президента и Республики Дагестан в целом.

Вслед за этим последовали инициативы светских интеллектуалов и умеренных салафитов. Что касается первых, то они в лице известного дагестанского социолога, сотрудника Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН Заида Абдулагатова в апреле 2011 г. выдвинули идею реформирования ДУМД по татарстанскому образцу. Идея состояла в том, чтобы под давлением светских властей республики соперничающие фракции Духовного управления могли создать совместный съезд и утвердить объединённый муфтият. Дагестанские интеллектуалы вдохновлялись опытом Татарстана, где этот сценарий был успешно реализован в 1998 г.¹²

Однако данная идея не имела перспектив в Дагестане. Во-первых, религиозно-политическая жизнь Дагестана намного более динамична и многоакторна, и её невозможно уложить в административные рамки по линии: светские власти – ДУМД. Во-вторых, как считали М.-Р. Ибрагимов и К. Маузатов, на тот момент генералы ФСБ отвергли данную идею, поскольку были опасения того, что при открытых и конкурентных выборах могли победить умеренные салафиты¹³.

Важнейшим аспектом исследуемой проблемы является оценка комбинации акторов, вовлечённых в процесс перевода исламской политики в политику антитеррора в Дагестане. На наш взгляд, она очень сложна и включает в себя систему взаимоотношений между следующими элементами: 1) дагестанские власти; 2) ФСБ – НАК; 3) умеренные салафиты; 4) ДУМД; 5) внутрисуфийская (неаварская) оппозиция ДУМД; 6) «лесные».

Мы не будем детально рассматривать, в каких связях находятся указанные участники дагестанского политического процесса друг с другом (эта тема требует самостоятельного всестороннего исследования). Нам важно подчеркнуть, что республику характеризует вовлечённость в данный процесс множества участников и сторон. Этим она существенно отличается от ситуации в Татарстане, где ислам усилиями светских властей и общественно-политических активистов превращён в один из элементов воссоздаваемой региональной татарской идентичности.

Не менее интересным было предложение умеренных салафитов. Эти шаги были озвучены А. Кебековым на Третьем съезде народов Дагестана. Они заключались в мерах по сближению всех конфликтующих сторон, включая «лесных», с целью выработки идей для мирного решения ситуации¹⁴. 25 апреля 2011 г. усилиями руководителя организации умеренных салафитов «Территория мира и согласия» Сулеймана Уладиева удалось организовать заседание Совета республиканского гражданского диалога «Путь к миру и согласию» с оптимистической резолюцией о необходимости прекращения произвола в решении внутримусульманских споров¹⁵.

Однако, как показали события, ни «лесные», ни генералы ФСБ не собирались рассматривать данную перспективу. Гражданский диалог не получил своего продолжения.

Это произошло по двум причинам. Первая состояла в том, что 6 июня 2011 г. был убит известный мусульманский деятель Дагестана, ректор Института теологии и международных отношений Максуд Садиков – один из самых настойчивых приверженцев сближения с умеренными салафитами. Вторая причина провала гражданского диалога – позиция светских властей Дагестана, которые игнорировали данный политический курс. Многие наблюдатели отмечали пассивность и незаинтересованность чиновников республиканского правительства в деле продолжения указанного диалога¹⁶. Такая позиция властей Дагестана в развитии гражданского диалога объяснялась опасениями потерять контроль в деле «борьбы с терроризмом», поскольку в случае успешного вовлечения умеренных салафитов в решении «лесной» темы и развития диалога с руководством ДУМД власти республики могли остаться на вторых ролях в местном политическом процессе, частью которого был вышеупомянутый республиканский политический диалог.

Особо нужно сказать о комиссии по адаптации. В соответствии с логикой новоизбранной «мягкой» линии, указом от 2 ноября 2010 г. глава республики М. Магомедов объявил о создании Комиссии при президенте Дагестана по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность.

Думается, федеральные и региональные власти искренне оценивали данный институт как важное средство борьбы с терроризмом, поскольку такие же комиссии по адаптации были созданы в Кабардино-Балкарии и Ингушетии. Рассматривалась даже вероятность создания подобной комиссии на общероссийском уровне, о чём было заявлено в июле 2012 г. от имени президентского Совета по правам человека¹⁷.

В отличие от Третьего съезда народов Дагестана и «гражданского диалога», комиссия по адаптации должна была выполнить узкоинструментальную задачу, поскольку она не была нацелена на поиск властями причин сложившейся ситуации в Дагестане. Это говорит о том, что силовики явно тяготились «мягкой» линией и были готовы вернуться к привычным репрессивным практикам. Своё недовольство они высказали на заседании Комиссии по адаптации 19 апреля 2012 г., на котором имел место жёсткий публичный спор между руководителем Следственного управления Следственного комитета РФ по РД Алексеем Саврулиным и тогдашним президентом РД Магомедсаламом Магомедовым. Саврулин критиковал политику дагестанских властей по адаптации за слишком мягкое отношение к боевикам¹⁸. Напротив, умеренные салафиты в лице одного из лидеров, А. Кебекова, рассматривали комиссию как способ выманить из «лесного» подполья радикалов для последующей банальной расправы над ними. Однако, несмотря на это, он и его сторонники стали работать в комиссии, понимая это как хоть какой-то способ начать диалог и помочь людям, подвергшимся угрозам и преследованиям со стороны силовиков.

Во всей комбинации акторов дагестанской политики, вовлеченных в «мягкую» стратегию, умеренные салафиты оказались в наиболее сложном положении. Они не внушали доверия «лесным» из-за сотрудничества и контактов с ФСБ. Более того, по этой причине они могли стать основной мишенью со стороны «лесных», поскольку успешная реализация межмусульманского диалога могла закончиться для последних изоляцией.

Не было доверия к умеренным салафитам и со стороны силовиков, поскольку умеренные салафиты отказывались давать «нужную» политическую и богословскую оценку радикальным салафитам, признавая лишь тот факт, что «лесные» – тоже мусульмане, а в факте их ухода «в лес» виновато в том числе и государство.

Некоторые наблюдатели склонны считать, что умеренные салафиты упустили свой исторический шанс стать влиятельной стороной дагестанского политического процесса¹⁹.

Однако, как представляется, данный взгляд слишком поверхностный. Он не учитывает того факта, что как само появление «мягкой» линии, так и описанные выше основные многообещающие поворотные пункты данной линии происходили в рамках антитеррористической и репресс-

сивной парадигмы федеральных и региональных властей. Просто силовой компонент данной политики на этот период был ослаблен.

Осенью 2011 г. произошло новое усиление репрессивного тренда дагестанской политики. Реакцией населения стал массовый митинг, который прошёл в Махачкале на площади возле Русского театра 25 ноября 2011 г., в котором приняли участие от 2500 до 3000 человек. Такой протест стал результатом многочисленных задержаний правоохранителями жителей посёлка Шамхал возле Махачкалы и был организован родственниками людей, пострадавших от действий силовиков. Митинг был поддержан общественными организациями умеренных салафитов – Ассоциацией учёных Ахлю-Сунна, Союзом справедливых, «Территорией мира и согласия». Митингующие отказались разговаривать с властями и обсуждать с ними проблемы похищения людей силовиками, выразив при этом недоверие республиканским чиновникам.

Вышеупомянутый митинг у здания Русского театра в Махачкале 25 ноября 2011 г. напугал власти, поскольку народный протест стал ассоциироваться у них с революциями «арабской весны», которые в указанном году прокатились по странам Ближнего Востока и Северной Африки. Власти боялись усиления исламских сил и отказались от продолжения диалога с умеренными салафитами. Об этом свидетельствует то, с какой решимостью силовые ведомства начали пресекать всякое недовольство мусульман республики и жестоко преследовать попытки публичного протеста. Так, узнав о том, что правозащитники готовят ещё один митинг против похищения людей в феврале 2012 г., силовики в ответ стали задерживать организаторов митинга и активистов Ассоциации учёных Ахлю-Сунна. Вдобавок к этому, накануне митинга неподалёку от главной салафитской мечети на ул. Котрова в Махачкале бойцы спецназа открыто расстреляли адвоката, который занимался юридической защитой тех, кто был обвинён в участии в незаконных вооружённых формированиях²⁰.

Таким образом, кратковременный период «мягкой» борьбы с терроризмом начал подходить к концу осенью 2011 г. К этому времени все акторы дагестанской политики – правительство республики, НАК, ДУМД, умеренные салафиты, светская интеллигенция – исчерпали свои инициативы в рамках данной стратегии.

Последовавшие затем события окончательно похоронили надежды на реализацию всяких форм «мягкой» стратегии борьбы с терроризмом и гражданских инициатив различных сторон дагестанского мусульманского сообщества. 3 мая 2012 г. был взорван полицейский участок на трассе Махачкала – Астрахань, в результате которого погибли 13 человек, а в августе 2012 г. был убит Саид-афанди Чиркеевский – культовая фигура дагестанских суфиев, неформальный

шеих республиканского тариката. Эти теракты, шокировавшие всё дагестанское общество, естественно, привели к немедленной остановке вышеописываемого диалога.

Однако в вопросе о том, можно ли считать осень 2011 г. периодом возврата силовиков к привычной жёсткой линии, стороны конфликта и аналитики расходятся. Одни считают, что ФСБ вернулось к силовым методам (Расул Кадиев), поскольку генералы начали сомневаться в результативности «мягкой» стратегии. Другие (М.-Р. Ибрагимов и К. Мацузато) не уверены в том, что ФСБ окончательно вернулось к силовому подходу. Они считают, что с осени 2011 г. ФСБ просто «изменила формат мягкой линии», понимая ограниченное влияние умеренных салафитов на «лесных»²¹.

Не отрицая справедливости данных заключений, выделим всё же ключевой момент. Главное заключается в том, что это была попытка продолжения политики борьбы с терроризмом с помощью умеренной тактики и мягких инструментов. При этом силовые методы подавления радикального исламского подполья никогда не прекращались. Диалог с умеренными салафитами использовался лишь как способ нейтрализации и уничтожения «лесных».

Таким образом, наше исследование показало, что в Дагестане борьба с терроризмом вышла далеко за пределы чисто правоохранительной миссии. Она перестала быть биполярным (по линии «правоохранители/государство против террористов») вооружённым конфликтом, а стала контекстом политической и гражданской жизни Дагестана. В этом качестве она превратилась в элемент политических программ и действий различных акторов дагестанской политики. Тема терроризма и борьбы с ним создали богатый и подробный дискурс, которым пользуются все политические и гражданские силы, включая «лесных» повстанцев.

Примечания

- ¹ О масштабе насилия в дагестанском обществе см.: «“Новый курс” Магомедова?» Ситуация с правами человека и попытки консолидации общества в Республике Дагестан. Февраль 2010 – март 2011 г. Доклад Правозащитного центра «Мемориал». М., 2011. URL: http://Situatsiya_c_pravami_cheloveka_i_pipytki_konsolidatsii_obschestva_v_Respublike_Dagestan_Fevral_2010_mart2011_g_Doklad_PTS_Memorial (дата обращения: 22.11.2012).
- ² См.: О мерах по противодействию терроризму : указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 // Рос. газ. 2006. 17 февр. Федер. вып. № 4000. URL: <https://rg.ru/2006/02/17/antiterror-doc-dok.html> (дата обращения: 14.01.2010).
- ³ По этой причине Алиев имел немалый опыт взаимодействия с религиозными организациями республики. В 1990-е гг. М. Алиев курировал и поддерживал ДУМД по просьбе тогдашнего главы Дагестана Магомедали Магомедова, который отчаянно нуждался хотя бы в

- пассивном содействии аварцев для поддержания политической стабильности в республике, а вместе с ней и сохранения своей власти. Поэтому он уполномочил Алиева – этнического аварца, вести дела с ДУМД, где руководили аварцы. В частности, Алиев своим присутствием помог Ахмаду-хаджи Абдулаеву в 1998 г. избраться на должность муфтия Дагестана (См.: Выборы муфтия Дагестана в 1998 году. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=ZCu8kIKN900> (дата обращения: 12.01.2010)).
- 4 См. об этом: *Баширов Л. А.* Ваххабизм : истоки, особенности вероучения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2007. № 1. С. 197–252.
 - 5 *Алиев М.* Ваххабизм – идеология войны : отрывок из интервью (от 17 апреля 2009 г.) президента Дагестана Муху Алиева с корреспондентами Романом Баданиным (Gazeta.ru) и Григорием Шведовым (Кавказский узел) // Ас-Салам. 2009. № 9 (334). С. 2. URL: <http://islamdag.ru/ljeideologii/26944> (дата обращения: 22.07.2014). См. также: *Борисов Т.* Горы работы ждут президента Дагестана Муху Алиева // Рос. газ. 2006. 4 февр.
 - 6 Указ о назначении Александра Хлопонина заместителем председателя Правительства и полномочным представителем Правительства и полномочным представителем Президента в Северо-Кавказском федеральном округе. 19 января 2010 г. URL: <http://Kremlin.ru/events/administration/6667> (дата обращения: 25.07.2014).
 - 7 Стратегия социально-экономического развития Северокавказского федерального округа до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ 06.09.2010 г. № 1485-р) // Министерство экономического развития РФ : [сайт]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/investproject/doc20100906-004> (дата обращения: 19.03.2014).
 - 8 См.: Власть и ислам : несостоявшаяся встреча. Интервью З. Увайсова // Новое дело. 2010. 4 нояб. ; *Абдулагатов З. М.* Проблема умеренности в дагестанском салафизме // Дагестанский социологический сборник – 2011. Махачкала : Алеф, 2011. С. 18–19.
 - 9 См.: III съезд народов Дагестана // Народы Дагестана. Республиканский общественно-политический журнал. 2011. № 1 от 25.02.2011. URL: http://www.narodidagestana.ru/vipusk/7/stat/iii_sezd_narodov_dagestana (дата обращения: 17.05.2014).
 - 10 См.: «Дагестан за мир, согласие и развитие». Основной доклад Президента РД М. М. Магомедова на III съезде народов Дагестана // Там же.
 - 11 Выступление полномочного представителя Президента РФ в СКФО А. Хлопонина // Там же.
 - 12 См.: *Ахунов А. М.* Объединительный съезд мусульман Татарстана 1998 г. : предпосылки, решения, результаты // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 4 (34). Исторические науки. URL: http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/49_6.pdf (дата обращения: 24.12.2015).
 - 13 См.: *Ibragimov M.-R., Matsuzato K.* Contextualized Violence : Politics and Terror in Dagestan // Nationalities Papers. 2014. Vol. 42, № 2. P. 286–306.
 - 14 Речь Абаса Кебедова на Съезде народов Дагестана. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/178570> (дата обращения: 01.10.2014).
 - 15 См.: *Исаев Т.* В Дагестане мусульманские организации приняли резолюцию гражданского диалога // Кавказский узел. 28 апреля 2011. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/184538> (дата обращения: 01.10.2014).
 - 16 Например, адвокат и правозащитник Расул Кадиев. См.: URL: <http://kadiевrasul.livejournal.com/146434.html#cutid1...> (дата обращения: 29.10.2014).
 - 17 См.: Президентский совет захотел создать Федеральную комиссию для адаптации боевиков к мирной жизни // NEWSru.com. 10 июля 2012. URL: <http://www.newsru.com/russia/10jul2012/fedcomm.html> (дата обращения: 11.07.2013).
 - 18 См.: Дискуссия на повышенных тонах. «Вы не на процессе каком-то, а на комиссии». Стенограмма заседания комиссии по адаптации бывших боевиков к мирной жизни в Дагестане 19 апреля 2012 г. // Коммерсантъ. 2012.23.04. URL: <http://www.commersant.ru/doc/1922639> (дата обращения: 12.01.2017) ; Комиссия по адаптации... генерал-майора Саврулина // Черновик. 2012. 27 апреля. URL: <http://www.chernovik.net/news/489/REPUBLIC/2012/04/27/13461...> (дата обращения: 30.04.2012).
 - 19 См., например: *Юсупов Т.* Салафиты Дагестана упустили свой исторический шанс. 2015. 15 декабря. URL: <http://www.ansar.ru/analytics/salafity-dagestana-upustili-svoj-istoricheskij-shans> (дата обращения: 23.01.2017).
 - 20 *Ibragimov M.-R., Matsuzato K.* Op. cit.
 - 21 Idem.

Образец для цитирования:

Мирзаханов Д. Г. Ислам и политика в Дагестане: попытка реализации «мягкой» стратегии борьбы с терроризмом (2006–2012 гг.) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 453–458. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-453-458.

Cite this article as:

Mirzakhanov D. G. Islam and Politics in Dagestan: an Attempts of Realization of the «Soft» Strategy of Struggle on Terrorism (2006–2012). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 453–458 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-4-453-458.